

Современный кризис и перерождение капитализма

I

Когда большинство современных экономистов (в том числе и П. Б. Струве) признают, что нынешний кризис носит не только «конъюнктурный», но и «структурный» характер, то тем самым они в сущности говорят, что современный кризис есть не только очередной, «нормальный» кризис, но и кризис самой капиталистической системы. Пусть даже тем глубокія изменения в структуре современного капиталистического хозяйства, которыя дѣлают нынешний кризис особенно тяжелым и затяжным, вызваны такими «случайными» с точки зрѣнія внутренняго развитія самого капитализма причинами, как война и техническая революція. Измѣненія эти все же представляют собою факт, котораго нельзя уже взять назад, который надо принять как нѣчто окончательно совершившееся, как нѣчто, вошедшее нынѣ в плоть и кровь современнаго хозяйственнаго порядка. Допустим даже, что время и мудрость правителей залечат раны, нанесенныя мировому хозяйству войной, что удастся благополучно разрѣшить проблему военных долгов и репараций, облегчить непомерно возросшее послѣ войны бремя военных расходов, упразднить нелѣпыя таможенныя границы, воздвигнутыя мирными договорами, изжить привычки военно-принудительнаго хозяйства и инфляціоннаго времени, преодолѣть кризис довѣрія и возродить в предпринимателях их былыя хозяйственныя доблести: инициативу, готовность к риску, привычку полагаться на свои собственныя силы, а не на гарантіи и субсидіи со стороны государства, тарифы и запретительныя пошлины. Если бы все это удалось и удалось бы даже заставить рабочих отказаться от всѣх их «завоеваній» военнаго и послѣвоеннаго времени, лежащихъ, по словамъ нѣкоторыхъ глубокомысленныхъ экономистов, особенно тяжкимъ бременемъ на со-

временное хозяйство, — все это ничуть не умалило бы действия других, или прямо вызванных войною или чрезвычайно обостренных ею, факторов: тех сдвигов в мировом хозяйстве, которые явились следствием индустриализации заморских стран, аграрной экспансии в Северной и Южной Америке, вытеснения угля нефтью и электрической силой, глубоких перемен в возрастном составе послѣвоенного населения, и, наконец, той грандиозной технической революцией, которая в современном сельском хозяйстве связана с новыми методами химического удобрения и тракторизации, а в промышленности с так наз. рационализацией производства. Здесь мы вплотную уже подходим к третьей группе причин современного кризиса, причин, которые, как бы ни были тѣсно связаны с войною, выходят далеко уже за пределы всего того, чего самая благополучная «ликвидация войны» могла бы достигнуть. И именно эти причины, которые, несмотря на свое внѣэкономическое происхождение, были глубоко уже заложены в довоенном развитии капиталистического хозяйства, а войною были до чрезвычайности усилены в своем действии, придают современному кризису его бесспорный «структурный» характер. Они вызывают такія глубокия изменения в строении, как отдельнаго капиталистическаго предприятия, так и всего народнаго хозяйства в цѣлом, что нужна исключительная косность или предвзятость мышления для того, чтобы современный фактически существующій хозяйственный строй называть еще тем же именем «капитализма», что и европейское хозяйство начала и середины прошлаго столѣтія. Если это и есть капитализм, то капитализм до того выродившійся или, напротив, до того переродившійся, что искать выхода из него — значит столько же отрицать преимущества капитализма, сколько их одновременно и утверждать. Не входя здесь в рассмотрение всѣх изменений в строении нынѣшняго послѣвоеннаго хозяйства, я ограничусь только характеристикой тех из них, которые наиболее бросаются в глаза.

Рационализация производства, поднявшая за послѣдніе 25 лѣт среднюю производительность американ. и германск. рабочаго на 60, а за послѣдніе 5 лѣт на 30 %, несмотря на значительное сокращение рабочаго времени, экономически сказа-

лась в чрезвычайном повышении органического строения капитала внутри современного предприятия, т. е., в увеличении доли, которую занимает в нем постоянный капитал, вложенный в технические сооружения и ими «связанный». Если еще сто лет тому назад постоянный капитал составлял в фабрично - заводской промышленности в среднем около 15 % всего капитала, то вряд ли будет преувеличением сказать, что нынѣ он составляет 65 % послѣдняго. А это значит, что промышленный капитал нынѣ окончательно утратил свою «ликвидность» (текучесть), свою способность свободно переливаться из одного производства в другое в соответствии с малѣйшими колебаниями рынка, как об этом учила классическая школа политической экономии, именно этой способностью капитала объяснявшая чудесное свойство «нормального» (т. е. капиталистического) хозяйства регулироваться автоматически, слѣдуя механизму цѣнообразования на свободном рынкѣ. Разумѣется, теорія эта означала уже и для своего времени стилизацію дѣйствительности. Но при небольшой сравнительно долѣ постоянного капитала, при сравнительной приспособляемости послѣдняго к переходу на новое производство, при свободѣ рынка, не знающаго еще искусственнаго установленія цѣн организаціями монопольнаго характера, она все же в общем болѣе или менѣе правильно отражала экономическую дѣйствительность классической поры капитализма. Отвлеченный характер ея механистическаго мышленія вполне соответствовал абстрактному атомистическому строенію самого капитала, только что выходявшему из стадіи «первоначальнаго накопленія». Даже утверженіе ея об однообразном уровнѣ прибыли с капитала не слишком уже противорѣчило дѣйствительности того времени, когда казалось очевидным, что одна лишь земля способна отбрасывать дифференціальныи доход, порождаемый к тому же не столько хозяйственными, сколько природными свойствами, в капиталѣ, этом чисто экономическом факторѣ хозяйства, отсутствующими.

Уже австрійская школа политической экономіи в концѣ прошлаго столѣтія постольку уравниала капитал с землей, поскольку она и на прибыль с капитала распространила ученіе классической школы о дифференціальном характерѣ земельной

ренды. Прибыль с капитала носит также дифференциальный характер, и предельному земельному участку, разработка которого является еще рентабельной, соответствует предельное предприятие, окупающее еще себестоимость производства, над которым располагаются, в порядке своей технической оборудованности и своей способности улавливать хозяйственную конъюнктуру, все другие капиталистические предприятия, отбрасывающие дифференциальную прибыль различного уровня. Австрийская школа тем успешнее могла придать своему учению о предельном элементе значение универсального метода исследования экономических явлений, что учение о дифференциальной ренте утратило уже, к моменту ее возникновения, свой первоначальный натуралистический характер, учтя в полной мере совокупность тех социальных факторов, которым должно быть «вмешено» образование дифференциальной ренты. Однако, и в данном случае имело место не только изошение научной мысли, но замена одной научной теории другой, более правильной, была обусловлена в значительной мере изменениями внутри самой действительности. Факт существования дифференциальной прибыли, совершенно очевидный в случае картеля, устанавливающего цену товаров в зависимости от себестоимости производства в наименее рентабельном из его предприятий, не мог уже к концу прошлого столетия игнорироваться теорией, тем более, что картелирование промышленности было одновременно и созданием нового факта громадной важности и явным выражением экономических соотношений, которые в скрытом виде уже и до него существовали в действительности.

В самом деле, чем «тяжелее», с ростом органического строения капитала, становится промышленность, тем более утрачивает капитал свою абстрактную атомистическую структуру, свою «ликвидность», и тем более приближается он к земле, в монопольном характере которой Маркс, как известно, усматривал причину, порождающую дифференциальную ренту. Образование организаций, устанавливающих фактическую монополию в промышленности, было только завершением процесса «иммобилизации» капитала, утраты им его «текучести». При первоначальной неустойчивости картелей обстоятельство это

должно было быть особенно очевидно. Образование картеля обычно только закрѣпляло положеніе, в основных своих чертах уже существовавшее до него. Если включеніе отдѣльнаго предпріятія в картель, стабилизуя его, означает органическое вчлененіе его в болѣе обширное цѣлое, то это есть только явное выраженіе общаго факта перерожденія механической структуры капиталистическаго хозяйства в органическую, в результатѣ роста органическаго строенія капитала. Чѣм болѣе «тяжелѣет» отдѣльное предпріятіе, тѣм болѣе пріобрѣтает оно индивидуальный характер: параллельно с ростом технических сооружений (постояннаго, недвижнаго капитала), в нем происходит рост чисто хозяйственной традиціи (секреты производства и организаци), консолидируется кліентура, укрѣпляется «фирма», — все факторы, до чрезвычайности усиливающіе его неподвижность, затрудняющіе возможность автоматическаго перелитія связаннаго в нем капитала в иное производство. С другой стороны, одновременно каждое отдѣльное предпріятіе «обобществляется», становится все болѣе органической частью объемлющей его вѣтви производства и всего общественнаго хозяйства в цѣлом. Подобно тому как земельная собственность улавливает рост своей цѣнности активностью окружающей среды, почему дифференціальная рента и «вмѣняется» справедливо этой послѣдней, точно так же и отдѣльное капиталистическое предпріятіе все в большей мѣрѣ является как бы резервуаром, улавливающим активностью разнообразных хозяйственных (и внѣхозяйственных) цѣлых, его окружающих. В дифференціальной прибыли так же присутствует этот социальный момент среды, как он присутствует и в дифференціальной рентѣ, почему ученіе Генри Джорджа о социализаціи земельного дохода в пользу порождающих ренту социальных цѣлых вполне примѣнимо также, с нѣкоторыми видоизмѣненіями, и к дифференціальной прибыли, поскольку рост послѣдней обусловлен не только индивидуализаціей предпріятія, но и его социализаціей, т. е. поскольку ею улавливается активностью разнообразных социальных цѣлых, в которыя данное предпріятіе вчленяется, как их органическая часть. На этом фактѣ особенно наглядно видно, что подлинная социализація не противорѣ-

чит индивидуализации, а сопряжена с последней. Индивидуализация и социализация суть две стороны единого процесса организации, или интеграции, и рост дифференциального характера прибыли с капитала есть симптом этого единого процесса. «Ликвиден» и сохранил в настоящее время еще свою абстрактную атомистическую структуру только финансовый капитал, что и проявляется в однообразном уровне отбрасываемого им дохода (процента), в отличие от дифференциального характера прибыли, как дохода, порождаемого промышленным капиталом.

Утрачивая свою «ликвидность», промышленный капитал становится все более ломким по своему строению, все менее приспособленным выдерживать резкие колебания рынка. Стабилизация рынка картелями и другими организациями предпринимателей, ведущая к перерождению конкуренции в сотрудничество на почве соглашения, является необходимым следствием повышения органического строения капитала, его отяжеления. Послевоенная рационализация производства до крайности усилила этот ломкий характер современного промышленного капитала. Ведя к чрезвычайному увеличению производительности предприятия, она оказывается рентабельной только при одновременном расширении рынка. Правда, вызываемое ею понижение себестоимости производства таит в себе громадные возможности расширения внутреннего рынка, но эти возможности далеко не безграничны, как об этом свидетельствуют хотя бы цифры, опубликованные в 1929 г. статс-секретарем труда Соед. Штатов. По утверждению последнего, рационализация производства за десять лет настолько повысила производительность промышленности Соед. Штатов, что, напр., вся сталь, могущая быть потребленной в Америке в продолжение одного года, производится ею сейчас в течение семи с половиной месяцев; обувь, достаточная для годового потребления всего населения Соед. Штатов, производится американской обувной промышленностью в течение шести месяцев; оконное стекло — в течение семнадцати недель; текстильный товар — в течение шести месяцев; и только шести месяцев работы занятых сейчас в каменноугольной промышленности Соед. Штатов рабочих достаточно

для того, чтобы добыть весь уголь, могущий быть потребленным населением и промышленностью Сѣв. Америки в течение цѣлаго года. При этих условиях рационализация производства легко обращается в хозяйственную катастрофу. Именно в высоко рационализированном предприятии депрессия на рынок сразу же ведет к непомерному вздорожанию себестоимости производства, и следовательно, к полной невозможности окупить произведенные на рационализацию затраты. Не имея возможности сократить свое производство, высоко рационализированное предприятие вынуждено его прекратить. Депрессия в одной отрасли промышленности, ведя к банкротству и прекращению работы в рядѣ крупных предприятий, влечет за собой депрессию в связанных с нею отраслях производства, в которых тоже именно высоко рационализированные предприятия вступают в полосу банкротств и резкой приостановки производства. Капиталы, вложенные в высоко рационализированные производства, ломаются, как бы зацепляясь друг за друга. Уже Маркс усматривал причину кризисов в особенностях постоянного капитала, в частности в свойствах его воспроизводиться не непрерывно, а циклически, по истечении срока, нужного для его амортизации, чѣм, по мнѣнию Маркса, и обуславливается периодичность кризисов. Грандиозный рост постоянного капитала приводит к непомерному росту остроты и размаха кризиса, ибо переоборудование в современной промышленности означает сейчас не простое «воспроизводство» ея постоянного капитала, а такой резкий скачек в его ростѣ, что не вослѣдовавшее за ним столь же резко расширение рынка может повести сразу же к банкротству предприятия.

Это крайнее повышение ломкости современного капитала, в результатѣ послѣвоенных методов рационализации производства, в корнѣ видоизмѣнило взаимоотношение между технической и хозяйственной стороной развития промышленности. В своей вышедшей в 1910 году книгѣ о «Финансовом капиталѣ» Гильфердинг защищает еще традиционную точку зрѣнія, согласно которой болѣе крупное и технически лучше оборудованное (болѣе «тяжелое») предприятие проявляет в периоды депрессии большую устойчивость, чѣм предприятие технически от-

сталое, и что предприятия послѣдняго рода, не выдерживая конкуренціи первых, автоматически поглощаются болѣе крупными предприятиями. Сейчас (1930) единомышленник Гильфердинга О. Бауэр справедливо защищаетъ прямо противоположную тезу. В настоящее время рост органическаго строенія капитала в результатѣ рационализаци до такой степени повысил его ломкость, что именно высоко рационализированное предприятие оказывается нынѣ в экономическом отношеніи менѣе устойчивым в противоположность предприятиямъ стараго типа, могущим сокращать свое производство безъ значительнаго повышенія себѣстоимости. Самое поглощеніе мелкихъ предприятий крупными происходитъ сейчасъ не путемъ автоматическаго вытѣсненія, а путемъ скупки крупными предприятиями, что ведетъ к дальнѣйшему увеличенію вложеннаго в нихъ капитала и, слѣдовательно, къ новому повышенію его ломкости. Насколько далеко зашло нынѣ это расхожденіе между техническимъ прогрессомъ и хозяйственнымъ, — об этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые новѣйшіе проекты установленія контроля надъ примѣненіемъ техническихъ изобрѣтеній в промышленности: нужно во что бы то ни стало задержать безудержно растущую рационализацию и добиться хоть нѣкоторой устойчивости, безъ которой капитал, дошедшій нынѣ до крайняго предѣла своей ломкости, очевидно не можетъ уже выйти изъ кризиса, стѣвшаго перманентнымъ.

В самомъ дѣлѣ, рост органическаго строенія капитала привелъ нынѣ к такой взаимозависимости внутри народнаго и міроваго хозяйства, к такой взаимной сцѣпленности вложенныхъ в него капиталовъ, что традиціонныя представленія о конкуренціи и рентабельности утрачиваютъ все свое старое значеніе. Когда капиталъ былъ ликвиднымъ, свободная конкуренція, дававшая побѣду наиболѣе рентабельному предприятию, обеспечивала одновременно и техническій прогрессъ и рентабельность всего хозяйства в цѣломъ. В этомъ смыслѣ свободная конкуренція была не только формой индивидуальности, но и формой социальности, хотя бы той низшей ея, механической, формой, которая соответствовала атомистическому строенію самаго капитала. Благодаря картелированію промышленности конкуренція однако все болѣе перерождается в соглашеніе и, в случаѣ уста-

новления фактической монополии какого-нибудь картеля или треста, даже совершенно исключается, приобретаая форму так наз. «скрытой» конкуренции. Подобно капиталу, становящемуся все болѣе недвижимым, она тоже все болѣе и болѣе стабилизуется, ибо только атмосфера стабильности и может нынѣ обезпечить отяжелѣвшему капиталу возможность работать, не подвергаясь постоянной ломкѣ. Послѣвоенная рационализация промышленности перерастает однако всѣ формы довоеннаго картелирования. Рационализация, проведенная сейчас в одной отрасли промышленности или даже в одном только крупном трестѣ, ведет к безработицѣ болѣе или менѣе значительной группы рабочих, которая сплошь и рядом усиливается еще длинной цѣпью косвенных послѣдствій: прекращеніем работы конкурирующих предприятий, сокращеніем внутренняго рынка, ведущим к депрессіи в других отраслях промышленности и т. д. Рентабельная для даннаго предприятия или группы предприятий, рационализация оборачивается катастрофой для других предприятий, для других отраслей промышленности и для всего хозяйства в цѣлом. В силу ломкости строенія современнаго капитала, она ведет уже не к простому сокращенію производства в других предприятиях, а к их банкротству и прекращенію в них работы. Кризис усиливается в своей остротѣ, если расчет на усиленный сбыт издѣлій рационализированнаго предприятия не оправдывается. В результатѣ, на еще работающую часть хозяйства падает бремя содержанія той части промышленности, которая прекратила производство, при чем в равной мѣрѣ приходится содержать, как выбывшій из строя труд (пособія безработным), так и прекратившій свою работу капитал: амортизация капитала, вложеннаго в неработающее предприятие, идет своим чередом, и кто-то должен ее производить; не говоря уже о затратах на консервацию не работающих технических сооружений. Что не работающій капитал точно так же должен содержаться работающей частью хозяйства, как и безработный труд, — это обстоятельство как-то слишком уже односторонне игнорируется нынѣшними запоздалыми идеологами чистаго капитализма. И, может-быть, не так уже неправ В. Фрид, увѣряющій, что суммы, идущія сейчас в Германіи из государственных

и общинных средств, на содержание безработных, не превышают тех сумм, которые из тех же источников идут или прямо на содержание неработающего (stillgelegtes) капитала или на субсидии и премии тем предприятиям, которые продолжают работу себя в убыток. Если в Америке это двойное содержание безработного труда и неработающего капитала работающей частью хозяйства происходит не в такой мере через посредство государства, как это имеет место в Европе, то все же и там оно остается фактом, не допускающим оспаривания. Вследствие тех же последствий (обложение работающей части хозяйства дополнительными налогами), оно в основе своей имеет все ту же причину. Рационализация производства, рентабельная с точки зрения отдельного предприятия, оборачивается нерентабельностью в отношении ко всему хозяйству в целом. Технически обоснованная рационализация оказывается экономически себя не оправдывающей или оправдывающей себя только с точки зрения узких интересов одной части промышленности в ущерб ей другим частям. Отдельное предприятие или отдельная отрасль производства срывает в свою пользу непомерно высокую дифференциальную прибыль — за счет других отраслей хозяйства и других предприятий, которые должны оплачивать расходы по содержанию выбывших из работы труда и капитала.

Это исключение принципа рентабельности из современного хозяйства идет гораздо дальше, представляя собою характерную черту перерождения современного капитализма. По единодушному утверждению немецких экономистов самых различных направлений, почти две трети капиталов, вложенных за последние семь лет в переоборудование германской промышленности, оказались нерентабельными. Что сделало возможным этот чудовищный факт? Нельзя понять его, не остановившись, хотя бы вкратце, на том, что известно под именем гегемонии финансового капитала. Необходимость мобилизации громадных денежных сумм в результате роста постоянного капитала, вложенного в промышленные предприятия современного типа, привела к тому, что акционерная компания сделалась классической формой высоко развитого капитализма. Форма эта наилучшим образом разрешала вставшую перед капиталистическим хозяй-

ством задачу: вернуть все болѣе иммобилизуемому (в силу роста его органическаго строенія) капиталу его ликвидность и тѣм самым сосредоточить в центрах производства необходимыя для того громадныя средства. Форма акціи возвращает иммобилизованному в технических сооружеиіях капиталу его подвижность, подобно тому как земельная недвижимость становится ликвидной в формѣ ипотеки. Ликвидность, утрачиваемая капиталом в плоскости промышленной, возвращается ему в плоскости кредита, видом котораго и является в послѣдней своей сущности акція. Отсюда господство финансоваго капитала над капиталом промышленным. Рядовой акціонер, будучи формально собственником предпріятія, в дѣйствительности является только его кредитором, а фактическими распорядителями промышленности оказываются руководители банков, которые являются собственниками сравнительно небольшой части сосредоточивающихся в них капиталов. Теоретически вполне возможен случай выкупи предпріятіем, как юридическим лицом, всѣх своих акцій, находящихся на руках у акціонеров даннаго предпріятія. На дѣлѣ такое превращеніе акціонернаго общества в предпріятіе, никому не принадлежащее или принадлежащее себѣ самому, в учрежденіе институціоннаго рода (каковым, напр., является фирма Цейса в Іенѣ), сейчас почти не имѣет мѣста, несмотря на то, что в нѣкоторых странах (напр. в Германіи), закон предоставляет к тому полную возможность. В дѣйствительности промышленность остается в руках финансовай олигархіи, часто совершенно чуждой подвластным ей предпріятіям и руководящейся в распоряженіи ими не мотивами объективнаго порядка, даже не мотивами рентабельности даннаго предпріятія, а мотивами чисто финансовай политики даннаго банка или даже биржевой спекуляціи. Между тѣм как само предпріятіе дѣлается все болѣе и болѣе объективным, приобретает характер учрежденія, принадлежащаго самому себѣ, т. е., той функціи, которую оно в цѣлом народнаго хозяйства выполняет, — круг лиц, которому принадлежит фактически послѣднее слово в распоряженіи этими предпріятіями, все болѣе и болѣе отчуждается от них, подпадая под власть субъективных мотивов, не вытекающих из хозяйственной функціи даннаго пред-

пріятія. Неудивительно, что тѣ немногіе настоящіе предприниматели, которые, как Форд и Батя, живут объективными интересами своего предпріятія и рѣзко отличаются от т. наз. капитанов промышленности, выдвигают в качествѣ основного принципа своей экономической политики совершенную независимость своего предпріятія от финансоваго капитала. Если бы поток капиталов, шедших в Германію в теченіе послѣдних семи лѣтъ, направлялся не директорами банков и капитанами промышленности, а промышленниками стараго типа, руководящимися в первую очередь началом рентабельности производимых затрат, то германская промышленность и ея кредиторы были бы спасены от постигшей их катастрофы. Выключеніе принципа рентабельности из современнаго капиталистическаго хозяйства есть неизбежное слѣдствіе, вытекающее из господства финансоваго капитала над промышленным, которое в свою очередь и вызывается измѣненіем структуры современнаго капиталистическаго предпріятія и ее обусловливает.

С. Гессен.